

ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Альберт Эйнштейн говорил: «Безумие – это продолжать делать то же самое, и надеяться на другой результат». Если посмотреть с этой точки зрения относительно нашей жизни, то – безумие продолжать продавать за границу сырье и надеяться на другое качество экономики и жизни. Великий русский мыслитель Александр Герцен еще полтора века назад предвидел, что Азиатско-Тихоокеанский регион станет вторым Средиземноморьем – по системе расселения и плотности населения, высокой интенсивности коммуникаций, прежде всего, торговли и культурного обмена, что сегодня сбывается в полной мере. А при современном развитии технологий – ресурсо- и энергосберегающих мы вполне можем не вписаться с нашим главным ресурсным козырем в экономическую колоду стран АТР. Этой глобальной теме посвятил свои выступления на БЭФе и лекции в «Клубе высоких технологий управления» в Иркутске – член правления «Центра стратегических разработок «Северо-запад», заместитель директора Института философии РАН Петр Щедровицкий.

Мы в свою очередь озадачили собеседника газеты «Иркутск» вопросом, который, полагаем, волнует наших читателей:

– Возможен ли другой результат, кроме торговли сырьем, в экономическом взаимодействии с нашими соседями, которых мы традиционно считаем стратегическими партнерами?

– Сегодня Азиатско-Тихоокеанский регион демонстрирует наибольшие темпы экономического роста, индустриализация и урбанизация, формирования современной производственной и индустриальной структуры, городской системы расселения. Целый ряд стран этого региона уже прошел стадию догоняющей индустриализации и включения в мировую систему разделения труда. Это, прежде всего Южная Корея, Сингапур и Китай. Несколько стран стоят наготове, демонстрируя высокие темпы роста – до 10 процентов в год – такие как Малайзия, Вьетнам, Индонезия – они составят второй шезлонг догоняющего развития, который еще почти миллиард человек вовлечет в глобальные процессы. Большинство из этих стран природа обделила сырьевыми и энергетическими ресурсами, которые важны для создания современной высокотехнологической промышленности. Несотопствие между гигантским потенциалом роста, темпами роста и отсутствием соответствующей ресурсной базы создает ключевой драматический разрыв, который должен быть преодолен в ближайшее время.

– Значит ли это, что наши ресурсы будут еще долго востребованы?

Я считаю, что страны АТР не будут повторять путь ресурсемкой, энергоемкой экономики, которую прошли развитые страны за последние 150-200 лет, двигаясь во многом методом проб и ошибок. С самого начала они будут внедрять более эффективные решения в части ресурсо- и энергосбережения.

– А нам ничего не останется, как их догонять?

У нас в распоряжении не больше 15-20 лет, и нужно понимать, что не только окно наших возможностей чрезвычайно узкое, но и сам бизнес по поставке сырья в долгосрочной перспективе является деятельностью с убывающей полезностью. Стать богатыми исключительно на экспорте сырья в долгосрочной перспективе невозможно.

К сожалению, наш сегодняшний уровень погружения в Азиатско-Тихоокеанский ре-

гион и понимания его динамики чрезвычайно мал. И речь идет о том, чтобы вернуться лицом к Азии, вспомнить, что мы «двуглавые», и действовать, активно государству и бизнесу погружаться в процессы, происходящие в АТР.

– Как это может происходить?

На рынке нужно работать, нужно присутствовать. Его нельзя умозрительно реконструировать. Второй важнейший момент – это уровень разделения труда. Если вы мысленно представите себе систему кооперации и разделения труда, которая должна быть, чтобы построить современный самолет, автомобиль или атомную станцию, то даже на уровне здравого смысла вы поймете, что это десятки тысяч специалистов, которые представляют из себя очень сложную систему кооперации. Содержать такую систему кооперации, ее отлаживать, пестовать, за ней следить и продавать одну атомную станцию или один самолет невозможно – он будет платиновый. Значит, нужно обязательно производить и продавать какое-то количество продуктов, чтобы окупились затраты на поддержание уровня разделения труда. Для этого важно количество квалифицированного населения и «плотность» размещения деятельности на территории.

– С этим связано появление такого понятия, как кластер?

Что такое кластер? Это длинная цепочка добавленной стоимости, закреплённая на компактной территории. Если это лесной кластер, то он начинается с биотехнологий, а заканчивается дизайном мебели, бумагой и других изделий. И если нет этих замыкающих компонентов, то вы можете делать промежуточный продукт, но никогда не получите максимум стоимости. Попав в нишу начальных сырьевых переделов, вы можете остаться в ней навсегда. Если вы неправильно спроектировали кластер, не задумывались с самого начала, как получить максимальную добавочную стоимость, вам ее никто не отдаст. Вместе с тем, если мы хотим создать длинную цепочку добавленной стоимости, заработать

максимальную долю, то она, по возможности, должна быть как можно более компактно расположена на территории, иначе будут высокие логические издержки, и продукт будет менее конкурентоспособен. Поэтому кластерная политика и кластерная синергия, как сейчас говорят в теории, это результат синхронизации усилий государства и бизнеса по выращиванию национальной технологической системы.

– И все-таки, что должно стать опорной точкой для начала процессов преобразования в нашем регионе?

Вот мы смотрим на карту Сибири и Дальнего Востока, видим потребность Азии в ресурсах и задаем себе вопрос – а чего не хватает? Что нужно сделать, кроме того, что проложить еще одну дорогу к очередному сырьевому месторождению? Какое-то время продавать это сырье, а потом попасть в ситуацию, где австралийцы, африканцы, бразильцы или еще кто-то предложит дешевле, и потеряет уже сделанные вложения? А созданное на базе этого точечно производства по добыче природных ресурсов оставить на долгие годы головной болью властей, потому что производство закрывается, а занять людей нечем?

Чтобы уйти из этого порочного круга, человечество не нашло никакого другого решения, кроме как развить города. Это мегасистемы, которые человеческий разум придумал для того, чтобы обеспечить разнообразие деятельности, возможность создания кластеров и, одновременно, быстрого переучивания и перехода людей из одних видов деятельности в другие, если вдруг что-то поменяется на рынке или возникли новые запросы.

Когда мы смотрим на карту Сибири и Дальнего Востока, то понимаем, что в этом регионе всего три-четыре города, которые могут претендовать на статус современных городов с населением полтора-двух, в будущем, может быть, четырех-пяти миллионов человек, что является минимальным уровнем плотности населения современной городской агломерации. Это Красноярск, Иркутск, Владивосток и, возможно, Хабаровск. Ставка на преимущественное и опережающее развитие городов, а вокруг них соответствующей периферии, которая, в частности, будет обеспечивать городское население продуктами питания и ключевыми услугами. Продумывать создание такой городской агломерации надо сразу с учетом высоких видов деятельно-

сти, а, следовательно, обязательно создавать университетский центр, инновационный или промышленный парк. И вот тогда впервые всерьез возникает вопрос – а какие кластеры с учетом количества населения и необходимости формирования городской среды, времени, которое на это нужно, мы можем поставить или развернуть на базе имеющейся элементной базы в регионах Сибири и Дальнего Востока? Это и есть ключевая проблема системного проектирования. Проектировать транспортную систему, железные дороги надо уже сегодня как элемент кластерной политики, а не рассказывать, что мы добудем сырье и отвезем его в Китай. Надо понимать, какой будет третий, пятый, седьмой шаг. Это более сложная задача, и уровень проектирования должен быть выше. Вообще тот, кто догоняет и хочет обогнать, должен иметь системное мышление.

– То, что Иркутск реально претендует стать мегалополисом – это здорово, но люди не хотят тратить жизнь на ожидание, когда будут в нем востребованы и стремятся уехать туда, где такая возможность уже сегодня, сейчас есть...

Если искать выход, то приоритетным должен быть проект формирования современной городской жизни. Она тянет за собой уровень качества и компетенции людей. Только качественные люди могут создавать последовательное движение от простых форм деятельности к сложным, и только такая деятельность приносит реальный экономический эффект, который позволит людям зарабатывать столько, чтобы они не думали о том, чтобы куда-то уехать.

– У нас есть шансы вписаться в процесс бурного роста Азиатско-Тихоокеанского региона?

Шансы есть, при этом нужно понимать, что, как во всякой игре, где есть ставки и риск: ты можешь сделать ставку на число, и вероятность, что выиграешь, невелика, зато, если выиграешь, получишь гигантский куш, а можешь поставить «на красное» – и потеря невелика, но и выиграть много не получится. Для того, чтобы сделать большую, но всегда рискованную ставку, надо тщательно все просчитать.

– Но вы ведь сами сказали в своем выступлении на БЭФе: будьте реалистами, требуйте невозможного. Разве можно отказаться от такого призыва, когда речь идет о судьбе региона, в котором мы живем?

Согласен. В этой сфере факторы мышления и воли, решительности и дерзновенной точности самоопределения играют более важную роль, чем математически правильные выкладки и сухие цифры статистики.

ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В... СУББОТУ

Методологи говорят: стратегуйте или стратегуйте будете. Мудрено? Совсем нет. Если самим не думать, как дальше жить, в какую сторону развиваться, за вас это сделают другие и тогда ничего не останется, как подчиниться чужой воле. Если река течет в одном направлении, то вы, ручеек, не сможете ведь выплестись из ее потока? Даже если не будете участвовать в общей жизни, все равно она будет происходить мимо вас. Поэтому лучше все-таки вовлечь горожан в процесс разработки стратегии развития города и вместе обозначить траекторию его развития до 2025 года. Именно по такому пути пошли в администрации Иркутска, и об этом наш разговор с заместителем мэра, председателем комитета по экономике администрации Иркутска Алексеем Альмухамедовым.

– Алексей Александрович, если говорить о будущем нашего города, то хочется вспомнить формулу Струвацких – «Понедельник начинается в субботу». Что происходит сегодня, условно говоря «в субботу», с развитием города, чтобы однажды в понедельник мы проснулись и осознали, что Иркутск начал меняться?

– Я уже неоднократно слышал мнения разных людей о том, что в городе что-то начало меняться! Спрашиваешь: что? Кто-то вспоминает построенные памятники и скверы, кто-то отреставрированные к 350-летию фасады в центральной части города. А многих этот вопрос ставит в тупик – не обращали внимания. Стоит отметить, что город стал чище. Я сам с удивлением недавно обнаружил, что в центре осталось намного меньше рекламных щитов и расставок. А вообще-то люди отмечают изменения, не анализируя, на уровне ощущений. И у многих уже появилось это ощущение – город меняется. В том числе это связано с тем, что жителей стали активно вовлекать в городскую жизнь – кого-то через праздники и карнавалы, кого-то через конкурсы идей по городскому развитию, а кого-то через участие в формировании стратегии города.

– Можно ли стратегию «успеть» за теми процессами, которые происходят в действительности, можно ли работать над ней так, чтобы полученный в результате документ не стал «параллельным» самой жизни города?

– В последнее время стало «модным» каждому региону, более или менее крупному городу иметь свою стратегию. И конечно – это стратегия развития, – о стратегии выживания как-то никто и не говорит! И еще одна проблема. Часто администрация для разработки стратегии собирает некий мозговой центр или размещает соответствующий заказ в каком-нибудь институте. В таком случае понимание стратегии используется, как в военном деле, – это концентрация усилий администрации в какой-то одной точке. В результате появляется некий документ, названный стратегией, иногда даже начинается его исполнение. Но сменился мэр или губернатор и ... все начинается заново! Ведь у нового руководителя уже свое видение ситуации.

Мы изначально решили идти другим путем. И взялись за работу не с разработки стратегии единственного субъекта, а с попытки описания всей стратегической ситуации, в которой действует множество субъектов, где у каждого своя собственная траектория движения. При этом администрация города среди них – лишь один из равных субъектов.

Это принципиально другой подход. Если нам удастся описать все эти процессы, а другие самостоятельные субъекты увидят свое место в общем движении и начнут двигаться, то кто бы ни стал новым мэром – уже сама среда будет корректировать его действия в заданном направлении. Задача сложная, не имеющая однозначных решений, но, на мой взгляд, – это наиболее правильный путь, если мы действительно хотим тронуться с места.

– Насколько я знаю, работа над стратегией идет полным ходом?

– Мы начали ее год назад. Стратегия строится вокруг интересов человека и состоит из трех блоков. Во-первых, развитая городская среда, или среда места. Физического места, где человек находится. Это наиболее очевидное, наиболее понятное, и движение в этом направлении в городе уже видно: появились новые объекты, площадки, скверики, где можно гулять. Мне очень нравится, как Глазьев * говорит, чем город отличается от не города. Среди прочих пунктов – наличие мест общего «ничегонеделания». Человек приходит в это место не потому, что путь его с работы домой проходит мимо этого места, а приходит сюда специально – отдохнуть. Сейчас это хорошо видно на обновленной набережной. Большое количество людей приходит сюда даже в будни: одни или с детьми.

Во-вторых, – экономика. Или среда деятельности, которая задает человеку смысл того, как он должен существовать и что делать.

И, наконец, – собственная куль-

турная политика. Рамка нравственных ценностей. И мы задаем ее как один из основных блоков стратегии, потому что люди уезжают, не осознав, что значит быть иркутянами. Это напрямую связано с культурной политикой, которая отвечает за создание и трансляцию нравственных ценностей и ориентиров из поколения в поколение. Это происходит через институты культуры, истории, образования и, наконец, через вовлеченность – механизмы много. Все перечисленные блоки – функциональные.

А есть еще блоки, связанные с позиционированием города. Мы провели уже 4 стратегических сессии по этой теме – искали ответы на вопрос, о каком городе мы говорим. Что отличает Иркутск от других городов? Иркутск – это город чего? И тут тоже очевидно: ответа нет. Стандартный ответ: Иркутск – это ворота на Байкал. А хорошо ли быть воротами на Бай-

фессиональных, национальных конфликтов. И это надо использовать.

– В наш век развития технологий и инноваций город не может претендовать на статус современного, если в нем не бурлит этот поток. Как мы движемся в этом направлении?

– Когда в стране началась первая волна по инновациям и появились первые реальные деньги, то те технологии, которые были более близки к коммерциализации, быстро утекли в Москву или на запад. Хотя ряд регионов и городов, таких как Томск, Новосибирск, Санкт-Петербург, сумели воспользоваться своим инновационным потенциалом.

А что касается Иркутска, то посмотрев на то, что программа поддержки инноваций была принята еще в 2008 г., обидно было слышать, когда год назад приезжали специалисты РОСНАНО и говорили, что у вас потенциал есть, но «жизни»-то нет! Однако уже сегодня, менее, чем через полтора года, Иркутск воспринимается в стране, как город с очень активной инновационной жизнью. Мы первыми в стране подписали соглашение с Национальной Ассоциацией Бизнес-Ангелов, с Центром трансфера технологий РОСНАНО – РАН, Биофондом и Инфрафондом РБК.

В прошлом году мы впервые провели Байкальскую венчурную ярмарку. Уже в этом к нам приехали первые лица многих ведущих венчурных и инновационных компаний – и это очень большой скачок! В следующем году к нам собираются присоединиться компании из США, Китая и Кореи.

А теперь посмотрите. Говоря о стратегии, мы говорили о трех вариантах позиционирования Иркутска: как инновационного и креативного центра, как коммуникационной площадки, как экогорода. Но ведь коммуникации выстраиваются вокруг чего-то, так почему бы не вокруг креатива и инноваций? Наличие рядом мирового наследия озера Байкал делает нашу коммуникационную площадку просто уникальной. Ведь Байкал не только накладывает определённые ограничения, но и задает экологический вектор и спрос на инновации. Все закладывается в единую систему!

И третье направление – это город коммуникации. Север – запад, восток – юг, мусульманство, христианство и восточные религии – все это пересекается в нашем городе. Опять-таки, исторически у нас никогда не было кон-

Разворот подготовила Надежда ЗАЙЦЕВА

* В.Л. Глазьев, доктор искусствоведения, профессор МАРХИ, эксперт в области дизайна и проектирования, городского развития, образовательной и культурной политики.